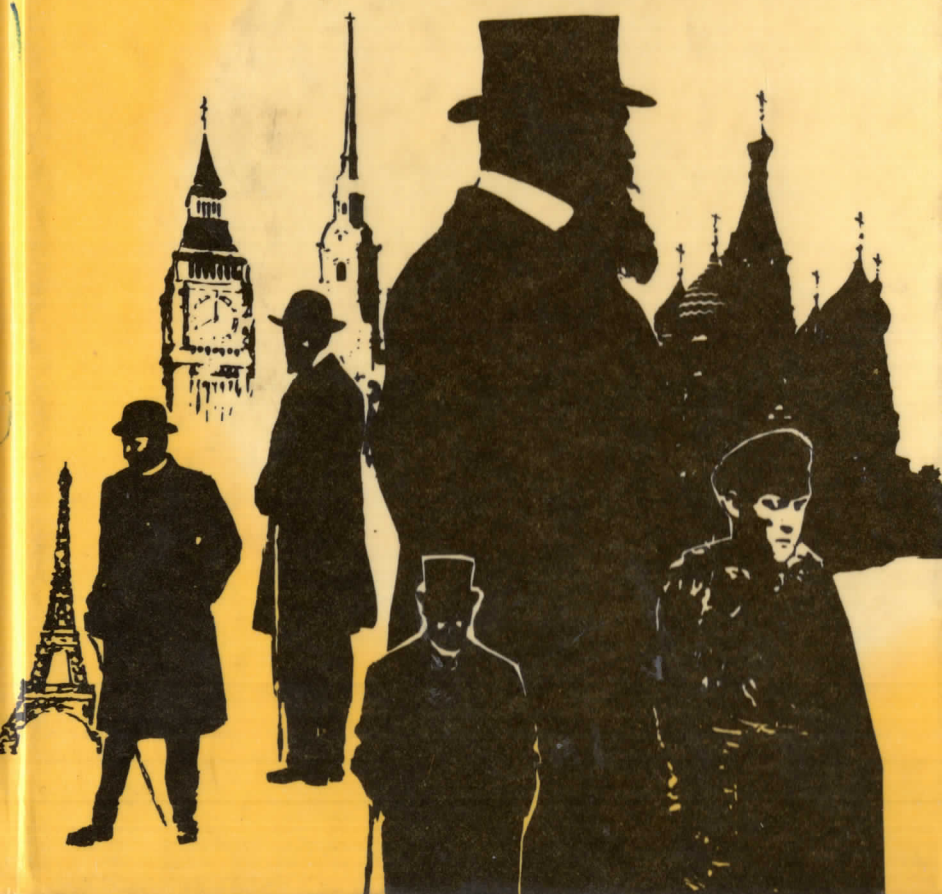

Л. ТРОЦКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

Л. ТРОЦКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

НОВОСТИ

Москва, 1990

5. МУЧЕНИКИ ТРЕТЬЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

**КАРЛ ЛИБКНЕХТ И
РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ***

Мы понесли сразу две тяжкие потери, которые сливаются в одну величайшую утрату. Из наших рядов выбиты два вождя, имена которых навсегда занесены в великую книгу пролетарской революции: Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Они погибли. Они убиты. Их больше с нами нет!

Имя Карла Либкнехта, известное и ранее, получило сразу мировое значение с первых месяцев страшной европейской бойни. Оно прозвучало, как имя революционной чести, как залог грядущей победы. В те первые недели, когда германский милитаризм справлял свои первые оргии, праздновал свои первые бешеные победы; в те недели, когда немецкие полки наступали через Бельгию, сметая, как карточные домики, бельгийские крепости; когда немецкие пушки в 420 миллиметров, казалось, угрожали поработить и подчинить Вильгельму всю Европу; в те дни и недели, когда официальная германская социал-демократия, во главе со своим Шейдеманом и своим Эбертом⁵⁷, склонила патристические колени перед германским милитаризмом, которому — тогда казалось — покорялось все: и внешний мир — растоптанная Бельгия, Франция с ее захваченным немцами севером, — и внутренний мир: не только германское юнкерство, не только германская буржуазия, не только шовинистическое мещанство, но и официально признанная партия немецкого рабочего класса — в те черные, страшные, подлые дни раздался в Германии мятежный голос протеста, возмущения, проклятия — то был голос Карла Либкнехта. И он прозвучал на весь мир!

Во Франции, где настроение широких масс находилось тогда под гнетом германского нашествия; где правящая партия французских социал-патриотов возвещала пролетариату необходимость борьбы не на жизнь, а на смерть, — как же иначе, раз в Германии "весь народ" стремится захватить Париж! — даже во Франции голос Либкнехта прозвучал предостерегающе и отрезвляюще, разрывая преграды лжи, клеветы и паники. Чувствовалось, что одинокий Либкнехт отражает задуманную массу.

Он, впрочем, на самом деле и тогда уже не был одинок, ибо рука об руку с ним с первого дня войны выступала мужественная, непоколебимая, героическая Роза Люксембург. Бесправие германского буржуазного парламентаризма не давало ей возможности свой

*Речь, произнесенная на заседании Петроградского Совета 18 января 1919 г. — Ред.

протест бросить с парламентской трибуны, как сделал Либкнехт, — оттого ее меньше было слышно. Но доля ее в пробуждении лучших элементов германского рабочего класса никак не меньше доли ее соратника в борьбе и в смерти, Карла Либкнехта. Эти два борца, столь различные по натуре и столь близкие в то же время, дополняли друг друга, шли неуклонно к общей цели, нашли одновременно смерть и совместно входят в историю.

Карл Либкнехт представлял собой подлинное и законченное воплощение негнбимого революционера. Вокруг его имени создавались за последние дни и месяцы его жизни неисчислимые легенды, бессмысленно злобные — через буржуазную печать, героические — в молве рабочих масс.

В личной жизни Карл Либкнехт был — увы, уже только *был!* — воплощением доброты, простоты и братства. Впервые я встретился с ним свыше пятнадцати лет тому назад. Это был обаятельный человек, внимательный и участливый. Можно сказать, что его характеру свойственна была почти женственная мягкость, в лучшем смысле этого слова. А наряду с этой женственной мягкостью его отличал исключительный закал революционной воли, способность бороться во имя того, что он считал правдой и истиной, до последней капли крови. Его духовная самостоятельность проявлялась уже в молодости, когда он отваживался не раз отстаивать свое мнение против непререкаемого бебелевского авторитета. Большим мужеством отличалась его работа среди молодежи, его борьба против гогенцоллернской военщины. Наконец, подлинную меру свою он обнаружил, когда возвысил свой голос против сплоченной воинствующей буржуазии и предательской социал-демократии в германском рейхстаге, где вся атмосфера была насыщена мизмами шовинизма. Полную меру своей личности он обнаружил, будучи солдатом, когда на Потсдамской площади Берлина он поднял знамя открытого восстания против буржуазии и ее милитаризма. Либкнехт был арестован. Тюрьма и каторга не сломили его духа. В своей камере он ждал и уверенно предвидел. Освобожденный революцией в ноябре прошлого года, Либкнехт сразу стал во главе лучших, наиболее решительных элементов германского рабочего класса. Спартак оказался в рядах спартаковцев и погиб с их знаменем в руках.

* * *

Имя Розы Люксембург менее известно в других странах, да и у нас, в России. Но можно сказать с полной уверенностью, что это была фигура отнюдь не меньшая, чем Карл Либкнехт. Маленького роста, хрупкая, болезненная, с благородным очерком лица, с прекрасными глазами, излучавшими ум, она поражала мужеством своей мысли. Методом марксизма она владела, как органами своего тела. Можно сказать, что марксизм вошел к ней в кровь.

Я сказал, что эти два вождя, столь разные по природе, дополняли друг друга. Я хочу это подчеркнуть и пояснить. Если негибавшему революционеру, Либкнехту, была свойственна женственная мягкость в личном обиходе, то этой хрупкой женщине была свойственна мужественная сила мысли. Фердинанд Лассаль когда-то говорил о физической силе мысли, о том повелительном ее напряжении, когда она как бы преодолевает материальные препятствия на своем пути. Вот такое именно впечатление вы получали, беседуя с Розой, читая ее статьи или слушая ее, когда она говорила с трибуны против своих врагов. А у нее было много врагов! Помню, как на партийном собрании, кажется, в Мюнхене ее высокий, напряженный, как струна, голос прорезывал бурные протесты баварских, баденских и иных оппортунистов. Как они ненавидели ее! И как она их презирала! Маленького роста и хрупкого сложения, она возвышалась на трибуне съезда, как воплощенная мысль пролетарской революции. Силой своей логики, могуществом своего сарказма она заставляла молчать самых заклятых своих противников. Роза умела ненавидеть врагов пролетариата и именно поэтому умела возбуждать их ненависть к себе. Она была отмечена ими заранее.

С первого дня, нет, с первого часа войны Роза Люксембург открыла кампанию против шовинизма, против патристического блудословия, против шатаний Каутского и Гаазе, против центристской бесформенности — за революционную самостоятельность пролетариата, за интернационализм, за пролетарскую революцию.

Да, они дополняли друг друга!

Силою теоретической мысли, способностью обобщения Роза Люксембург на целую голову превосходила не только противников, но и соратников. Это была гениальная женщина. Ее стиль — напряженный, точный, сверкающий, беспощадный — был и останется навсегда верным зеркалом ее мысли.

Либкнехт не был теоретиком. Это был человек непосредственного действия. Натура импульсивная, страстная, он обладал исключительной политической интуицией, чутьем массы и обстановки, наконец, несравненным мужеством революционной инициативы.

Анализа внутренней и международной обстановки, в какой оказалась Германия после 9 ноября 1918 года⁵⁸, равно как и революционного прогноза можно и должно было ждать прежде всего от Розы Люксембург. Призыв к непосредственному действию и — в известный момент — к вооруженному восстанию исходил бы, вероятно, прежде всего от Либкнехта. Они, эти два борца, как нельзя лучше дополняли друг друга.

Едва Люксембург и Либкнехт вышли из тюрьмы, как они взяли друг друга за руки, этот неутомимый революционер и эта негибавшая революционерка, и пошли вместе, во главе лучших элементов германского рабочего класса, — навстречу новым боям и испытаниям пролетарской революции. И на первых шагах этого пути предательский удар сразил обоих в один и тот же день.

* * *

Поистине реакция не могла выбрать более достойных жертв. Какой меткий удар! И немудрено: реакция и революция хорошо знали друг друга, ибо реакция воплотилась на этот раз в лице бывших вождей бывшей партии рабочего класса, Шейдемана и Эберта, имена которых останутся навсегда записанными в черную книгу истории, как позорные имена ответственных организаторов этого предательского убийства.

Правда, мы получили официальное германское сообщение, которое изображает убийство Либкнехта и Люксембург, как случайность, как уличное "недоразумение", обусловленное, может быть, недостаточной бдительностью караула перед лицом разъяренной толпы. Назначено даже судебное расследование по этому поводу. Но мы с вами слишком хорошо знаем, как производится реакцией постановка такого рода "стихийных" натисков на революционных вождей; мы хорошо помним июльские дни, пережитые нами здесь, в стенах Петрограда; мы слишком хорошо помним, как черносотенные банды, призванные Керенским и Церетели для борьбы против большевиков, планомерно громили рабочих, избивали их вождей, расправлялись с отдельными рабочими на улицах. Имя рабочего Воинова, убитого в порядке "недоразумения", памятно большинству из вас. Если мы тогда сохранили Ленина, то только потому, что он не оказался в руках разъяренных черносотенных банд. Тогда находились среди меньшевиков и эсеров благочестивые люди, возмущавшиеся тем, что Ленин и Зиновьев, против которых выдвинуты обвинения в том, что они немецкие шпионы, не являются на суд, чтобы опровергнуть клевету. Им это ставилось в особую вину. На какой суд? На тот суд, по дороге к которому Ленину учинили бы "побег", как учинили его Либкнехту, и если Ленин был бы застрелен или заколот, официальное сообщение Керенского и Церетели гласило бы, что вождь большевиков при попытке побега был убит караулом. Нет, сейчас, после страшного берлинского опыта, мы имеем десятикратное основание быть довольными, что Ленин не предстал в то время на шемякин суд, а тем более — на бессудную расправу.

Но Роза и Карл не скрылись. Вражья рука держала их крепко. И эта рука задушила их. Какой удар! Какое горе! И какое предательство! Лучших вождей германской коммунистической партии больше нет, — нет в живых наших великих соратников. А их убийцы стоят под знаменем социал-демократической партии, имеющей наглость вести свою родословную не от кого другого, как от Карла Маркса! Какое извращение! Какое издевательство! Только подумайте, товарищи, что "марксистская" германская социал-демократия, руководительница Второго Интернационала, и есть та партия, которая предавала интересы рабочего класса с первых дней войны, которая поддерживала разнузданный германский милитаризм

в дни разгрома Бельгии и захвата северных провинций Франции; та партия, которая предавала Октябрьскую революцию германскому милитаризму в дни Брестского мира; та партия, вожди которой, Шейдеман и Эберт, организуют ныне черные банды для убийства героев Интернационала, Карла Либкнехта и Розы Люксембург!

Какое чудовищное историческое извращение! Оглядываясь назад, в глубь веков, находишь некоторое подобие с исторической судьбой христианства. Евангельское учение рабов, рыбаков, тружеников, угнетенных, всех придавленных рабским обществом к земле, это исторически возникшее учение бедноты было затем захвачено монополистами богатства, королями, аристократами, митрополитами, ростовщиками, патриархами, банкирами, римским папой, — и стало идейным покровом их преступлений. Нет, однако, никакого сомнения в том, что между учением первобытного христианства, каким оно вышло из сознания низов, и между официальным католицизмом или православием далеко еще нет той пропасти, как между учением Маркса, которое есть ступок революционной мысли и революционной воли, и между теми презренными отбросами буржуазных идей, которыми сейчас живут и торгуют Шейдеман и Эберты всех стран. Через посредство вождей социал-демократии буржуазия сделала попытку ограбить духовное достояние пролетариата и знаменем марксизма прикрыть свою разбойничью работу. Но хочется надеяться, товарищи, что это гнусное преступление будет последним в счете Шейдеманов и Эбертов. Многие терпел пролетариат Германии со стороны тех, которые были поставлены во главе его; но этот факт не пройдет бесследно. Кровь Карла Либкнехта и Розы Люксембург вопиет. Эта кровь заставит заговорить мостовые Берлина, камни той самой Потсдамской площади, на которой Либкнехт первым поднял знамя восстания против войны и капитала. И днем раньше или позже на улицах Берлина будут из этих камней воздвигнуты баррикады против вернейших холопов и цепных собак буржуазного общества, против Шейдеманов и Эбертов!

Сейчас палачи задавили в Берлине движение спартаковцев, германских коммунистов. Они убили двух лучших вдохновителей этого движения, и, быть может, сегодня они еще празднуют победу. Но настоящей победы тут нет, потому что не было еще прямой, открытой и полной борьбы; еще не было восстания германского пролетариата во имя завоевания политической власти. Это была только могучая рекогносцировка, глубокая разведка в лагерь расположения противника. Разведка предшествует сражению, но это еще не сражение. Германскому пролетариату необходима была эта глубокая разведка, как она необходима была нам в июльские дни. Несчастье в том, что в разведке пали два лучших военачальника. Это жестокий урон, но это не поражение. Битва еще впереди.

Смысл того, что происходит в Германии, мы поймем лучше, если оглянемся на собственный вчерашний день. Вы помните ход собы-

тий и их внутреннюю логику. В конце февраля, по старому стилю, народные массы сбросили царский трон. Первые недели настроение было такое, как будто главное уже совершено. Новые люди, которые выдвинулись из оппозиционных партий, никогда у нас не стоявших у власти, первое время пользовались доверием или полудоверием народных масс. Но это доверие стало скоро давать щели и трещины. Петроград оказался и на втором этапе революции во главе, как ему и надлежало быть. В июле, как и в феврале, он был ушедшим далеко вперед авангардом революции. И этот авангард, призывавший народные массы к открытой борьбе против буржуазии и соглашателей, тяжелой ценой заплатил за произведенную им глубокую разведку.

В июльские дни питерский авангард сшибся с правительством Керенского. Это не было еще восстание, каким мы с вами его проделали в октябре. Это была авангардная стычка, в историческом смысле которой широкие массы провинции еще не отдавали себе полного отчета. Петроградские рабочие в этом столкновении обнаружили перед народными массами не только России, но и всех стран, что за Керенским нет никакой самостоятельной армии; что те силы, которые стоят за ним, являются силами буржуазии, белой гвардии, контрреволюции.

Мы тогда, в июле, потерпели поражение. Товарищ Ленин должен был скрываться. Некоторые из нас сидели в тюрьмах. Наши газеты были задушены. Петроградский Совет был взят в тиски. Типографии партии и Совета были разгромлены, рабочие здания и помещения опечатаны, всюду царил разгул черной сотни. Происходило — другими словами — то самое, что происходит теперь на улицах Берлина. И тем не менее ни у кого из подлинных революционеров не было тогда и тени сомнения в том, что июльские дни — только вступление к нашему торжеству.

Сходная обстановка сложилась за последние дни и в Германии. Как и у нас Петроград, Берлин ушел вперед от остальных народных масс; как и у нас, все враги немецкого пролетариата вопили: нельзя оставаться под диктатурой Берлина; спартаковский Берлин изолирован; нужно созвать учредительное собрание и перенести его в более здоровый провинциальный город Германии из красного Берлина, развращенного пропагандой Карла Либкнехта и Розы Люксембург! Все то, что врагами было проделано у нас, вся злостная агитация, вся низменная клевета, какую мы слышали здесь, все это — в переводе на немецкий язык — Шейдеман и Эберты фабриковали и распространяли в Германии по адресу берлинского пролетариата и его вождей — Либкнехта и Люксембург. Правда, разведка берлинского пролетариата развернулась шире и глубже, чем у нас в июле, жертв там больше, потери значительнее, — все это верно. Но это объясняется тем, что германцы проделывают историю, которую мы один раз уже проделали; их буржуазия и

военщина умудрены нашим июльским и октябрьским опытом. А главное, классовые отношения у них несравненно более определенные, чем у нас; имущие классы несравненно сплоченнее, умнее, активнее, а значит, и беспощаднее.

У нас, товарищи, между Февральской революцией и июльскими днями прошло четыре месяца; четверть года понадобилась пролетариату Петрограда, чтобы почувствовать неотразимую потребность выйти на улицу и попробовать потрясти колонны, на которые опирался государственный храм Керенского и Церетели. После поражения июльских дней прошло снова четыре месяца, пока тяжелые резервы провинции подтянулись к Петрограду, и мы могли с уверенностью в победе объявить прямое наступление на твердыни частной собственности в октябре 1917 года.

В Германии, где первая революция, свалившая монархию, разыгралась лишь в начале ноября, в начале января уже происходят наши июльские дни. Не означает ли это, что немецкий пролетариат в своей революции живет по сокращенному календарю? Там, где нам нужно было четыре месяца, ему нужно два. И можно надеяться, что этот же масштаб сохранится и дальше. Может быть, от немецких июльских дней до немецкого Октября пройдет не четыре месяца, как у нас, а меньше — может быть, окажется достаточным двух месяцев, и даже менее того. Но как бы ни пошли дальше события, одно несомненно: те выстрелы, которые посланы были в спину Карлу Либкнехту, могучим эхом отдались во всей Германии. И это эхо похоронным звоном прозвучало в ушах Шейдеманов и Эбертов, германских и иных.

* * *

Здесь, вот, пели реквием Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Вожди погибли. Живыми мы их не увидим никогда. Но многие ли из вас, товарищи, видали их когда-либо живыми? Ничтожное меньшинство. И тем не менее, Карл Либкнехт и Роза Люксембург неотлучно жили среди вас последние месяцы и годы. На собраниях, на съездах вы выбирали Карла Либкнехта почетным председателем. Его самого здесь не было, ему не удалось попасть в Россию, — и все же он присутствовал в вашей среде, сидел, как почетный гость, за вашим столом, как свой, как близкий, как родной, ибо имя его стало не простым названием отдельного человека, — нет, оно стало для нас обозначением всего лучшего, мужественного, благородного, что есть в рабочем классе. Когда любому из нас нужно было представить себе человека, беззаветно преданного угнетенным, закаленного с ног до головы, человека, который не склонял никогда знамени перед врагом, мы сразу называли Карла Либкнехта. Он навсегда вошел в сознание и память народов героизмом действия. В остервенелом лагере врагов, когда победоносный милитаризм все смял и подавил, когда все, кому надлежало протестовать, молчали,

когда, казалось, нигде не было отдушины, — он, Либкнехт, возвысил свой голос борца. Он сказал: вы, правящие насильники, военные мясники, захватчики, вы, служащие лакеи, соглашатели, вы топчете Бельгию, вы громите Францию, вы весь мир хотите задавить, вы думаете, что нет на вас управы, — а я вам заявляю: мы, немногие, не боимся вас, мы объявляем вам войну, и, пробудив массы, мы эту войну доведем до конца! Вот эта отвага решения, вот этот героизм действия делают для мирового пролетариата образ Либкнехта незабвенным.

А рядом с ним стоит Роза, по духу равная ему вонтельница мирового пролетариата. Их трагическая смерть — на боевых постах — сочетает их имена особой, навеки несокрушимой связью. Отныне они всегда будут называться рядом: Карл и Роза, Либкнехт и Люксембург!

Вы знаете, на чем основаны легенды о святых, об их вечной жизни? На потребности людей сохранить память о тех, которые стояли во главе их, которые так или иначе руководили ими; на стремлении увековечить личность вождей в ореоле святости. Нам, товарищи, не нужно легенд, не нужно превращения наших героев в святых. Нам достаточно той действительности, в которой мы живем сейчас, ибо эта действительность сама по себе легендарна. Она пробуждает чудодейственные силы в душе массы и ее вождей, она создает прекрасные образы, которые возвышаются над всем человечеством.

Карл Либкнехт и Роза Люксембург — такие вечные образы. Мы ощущаем их присутствие среди нас с поразительной, почти физической непосредственностью. В этот трагический час мы объединяемся духом с лучшими рабочими Германии и всего мира, повергнутыми страшной вестью в скорбь и траур. Мы здесь испытываем остроту и горечь удара наравне с нашими немецкими братьями. В скорби и трауре мы так же интернациональны, как и во всей нашей борьбе.

Либкнехт для нас не только немецкий вождь. Роза Люксембург для нас не только польская социалистка, которая встала во главе немецких рабочих. Нет, они оба для мирового пролетариата свои, родные, с ними мы все связаны духовной, нерасторжимой связью. Они принадлежали до последнего издыхания не нации, а Интернационалу!

* * *

К сведению русских рабочих и работниц надо сказать, что Либкнехт и Люксембург стояли особенно близко к русскому революционному пролетариату, и притом в самые трудные времена. Квартира Либкнехта была штаб-квартирой русских эмигрантов в Берлине. Когда надо было в немецком парламенте или в немецкой печати поднять голос протеста против тех услуг, которые герман-

ские властители оказывали русской реакции, мы обращались прежде всего к Карлу Либкнехту, и он стучался во все двери и во все черепа, в том числе и в черепа Шейдемана и Эберта, чтобы заставить их протестовать против преступлений германского правительства. И мы неизменно обращались к Либкнехту, когда нужно было кому-либо из товарищей оказать материальную поддержку. Либкнехт был неутомим на службе Красного Креста русской революции.

На уже упомянутом съезде германской социал-демократии в Йене, где я присутствовал в качестве гостя, мне, по инициативе Либкнехта, предложено было президиумом выступить по поводу внесенной тем же Либкнехтом резолюции, клеймящей насилие царского правительства над Финляндией. Либкнехт с величайшей тщательностью готовился к собственному выступлению, собирал цифры, факты, подробно расспрашивал меня о таможенных взаимоотношениях между царской Россией и Финляндией. Но прежде чем дело дошло до выступления (я должен был говорить после Либкнехта), получилось телеграфное сообщение о киевском покушении на Столыпина. Телеграмма эта произвела на съезд большое впечатление. Первый вопрос, который возник у руководителей, был таков: удобно ли русскому революционеру выступать на немецком съезде в то время, как какой-то другой русский революционер совершил покушение на русского министра-президента? Эта мысль овладела даже Бебелем: старик, тремя головами выше остальных членов форштанда (ЦК), не любил все же "лишних" затруднений. Он сейчас же разыскал меня и подверг расспросам: что означает покушение? какая партия за него может быть ответственна? не думаю ли я, что в этих условиях своим выступлением обращу на себя внимание немецкой полиции? "Вы опасаетесь, — спросил я осторожно старика, — что мое выступление может вызвать известные затруднения? — Да, — ответил мне Бебель, — признаюсь, я предпочел бы, чтобы вы не выступали. — Разумеется, — ответил я, — в таком случае не может быть и речи о моем выступлении". На этом мы расстались.

Через минуту ко мне буквально-таки подбежал Либкнехт. Он был взволнован до последней степени. "Верно ли, что они вам предложили не выступать? — спросил он меня. — Да, — ответил я, — только что я условился на этот счет с Бебелем. — И вы согласились? — Как же я мог не согласиться, — ответил я, оправдываясь, — ведь я здесь не хозяин, а гость. — Это возмутительно со стороны нашего президиума, это позорно, это неслыханный скандал, это презренная трусость!" и пр. и пр. Своему негодованию Либкнехт дал исход в своей речи, где он нещадно громил царское правительство, наперекор закуливному предупреждению президиума, уговаривавшего его не создавать "лишних" осложнений в виде оскорбления царского величества.

Роза Люксембург с молодых годов стояла во главе той поль-

ской социал-демократии, которая теперь, вместе с так называемой левицей, т.е. революционной частью польской социалистической партии, объединилась в коммунистическую партию. Роза Люксембург прекрасно говорила по-русски, глубоко знала русскую литературу, следила изо дня в день за русской политической жизнью, связана была теснейшими узами с русскими революционерами и любовно освещала в немецкой печати революционные шаги русского пролетариата. На своей второй родине, Германии, Роза Люксембург, со свойственным ей талантом, овладела в совершенстве не только немецким языком, но и законченным знанием немецкой политической жизни и заняла одно из самых выдающихся мест в старой, бебелевской социал-демократии. Там она неизменно оставалась на крайнем левом крыле.

В 1905 году Карл Либкнехт и Роза Люксембург жили, в полном смысле слова, событиями русской революции. Роза Люксембург покинула в 1905 году Берлин для Варшавы, — не как полька, а как революционерка. Освобожденная из варшавской цитадели на поруки она нелегально приезжала в 1906 году в Петроград, где посещала, под чужим именем, в тюрьме некоторых из своих друзей. Вернувшись в Берлин, она удвоила борьбу против оппортунизма, противопоставляя ему пути и методы русской революции.

Вместе с Розой мы пережили величайшее несчастье, какое обрушилось на рабочий класс: я говорю о постыдном банкротстве Второго Интернационала в августе 1914 года⁵⁹. Вместе с нею мы поднимали знамя Третьего Интернационала. И сейчас, товарищи, в той работе, которую мы совершаем изо дня в день, мы остаемся верны заветам Карла Либкнехта и Розы Люксембург; строим ли здесь, в еще холодном и голодном Петрограде, здание социалистического государства, — мы действуем в духе Либкнехта и Люксембург; подвигается ли наша армия на фронтах, — она кровью своей защищает заветы Либкнехта и Люксембург. Как горько, что она не могла защитить их самих!

В Германии Красной армии нет, ибо власть там еще в руках врагов. У нас армия уже есть, она крепнет и растет. А в ожидании того, когда под знаменами Карла и Розы сплотится армия германского пролетариата, каждый из нас сочтет своим долгом довести до сведения нашей Красной Армии, чем были Либкнехт и Люксембург, за что погибли, почему память их должна остаться священной для каждого красноармейца, для каждого рабочего и крестьянина.

Нестерпимо тяжок нанесенный нам удар. Но мы глядим вперед не только с надеждой, но и с уверенностью. Несмотря на то, что в Германии сейчас прилив реакции, мы ни на минуту не теряем уверенности в том, что там близок красный Октябрь. Великие борцы погибли даром. Их смерть будет отомщена. Их тени получают удовлетворение. Обращаясь к этим дорогим теням, мы можем сказать: "Роза Люксембург и Карл Либкнехт, вас уже нет в кругу

живущих; но вы присутствуете среди нас; мы ощущаем ваш могучий дух; мы будем бороться под вашим знаменем; наши боевые ряды будут овеяны вашим нравственным обаянием! И каждый из нас клянется, если придет час и потребует революция — погибнуть, не дрогнув, под тем же знаменем, под которым погибли вы, друзья и соратники, Роза Люксембург и Карл Либкнехт!"

Архив 1920 г.

II РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Почему же наконец граф так называет угрожать себя? Во имя чего он себя обезопасивает? То произойдет в Государственном совете палача тревоги речь и зазвучит "перекриком", призыва дерзновенных политический вымышленный министерства, то поручит сообщить Европе и Америке, что он, гр. Витте, как был, так и останется не только против "парламентов", "конституций", "демократов", но и против "аргументов".

— Но ведь, конечно, вы же сами были социал-демократом... — почтительно изложит историю жизни для американских поручиков.

— Останем это пока. Тут вопрос для историков будущего... Но я все же признаюсь.

Гр. Витте всегда и все "признавался". Это единственное обстоятельство, историю он прочел через все свои переживания. И когда события вырываются из-под кисти, когда подползали на своей войне восток и запад, когда восток бросал вызов, он издавал первый переводчик, чтобы сообщить пальцем одного из своих телеграфистов в Москву ему: "И все что признаю". — Советую с тем же духом "признавать" — значок признавать. Но зачем же все-таки признавать?

Однажды даже старик Суворин⁹⁰ не утонул в склянке горького слова. "Мне хлещет". — писал он в декабре 1905 года. — "что гр. Витте сам себе не понимает. Он думает, что он — гений. Ему об этом твердили так часто иностранцы, что он поверил и стал поступать, как они, как гений, а как чужой, чужеземный обличитель, алогичный и нелепый".

Но самом деле Витте не было никакой истинной мудрости, чтобы силой истинных убеждений убеждать в том, что гр. Витте

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5	"Россия" о социал-демократической платформе	120
От Издательства	11	Казенная недотыкомка	125
От автора	12	Николай II (Юбилей позора нашего: 1613—1913 гг.)	127
От редакции	13	Хвостов	135
1. Международное рабочее движение	15	Родные тени (Думбадзе и др.)	137
1. <i>Второй Интернационал</i>	17	Первый шаг сделан (Щербатов—Катенин)	139
<i>Германская социал-демократия</i>	17	Фантастика. Первомайские размышления (Хвостов—Илиодор)	141
Павел Зингер	17	Отечественное (Хвостов—Сухомлинов)	145
<i>Австрийская социал-демократия</i>	18	Опять открыли Думу	147
У гроба Франца Шумайера	18	2. <i>Думские депутаты</i>	149
Виктор Адлер	20	Слабость как источник силы (Пуришкевич)	149
<i>Французский социализм</i>	27	Миллюков	151
Жорес	27	Гучков и гучковщина	155
Жан Жорес	31	Георгий Замысловский	159
2. <i>Крах Второго Интернационала</i>	41	3. <i>Отголоски 1905 года</i>	167
Виктор и Фридрих Адлер	41	Хрусталева	167
Гаазе—Эберт—Давид	43	К ликвидации легенды (<i>Письмо в редакцию</i>)	168
Густав Экштейн	45	4. <i>Памяти ушедших</i>	173
Фриц Адлер	46	Страничка из прошлого (<i>К смерти П.А. Злыднева</i>)	173
Карл Каутский	50	Памяти П.А. Злыднева	179
В Париже	53	Памяти Б.Н. Гроссера—Зельцера	181
Отходит эпоха (Бебель—Жорес—Вальян)	54	С.Л. Клячко	183
3. <i>Русский социал-патриотизм</i>	59	Памяти Д.М. Герценштейна	186
Беглые мысли о Г.В. Плеханове	59	5. <i>Пирогов—Герцен—Струве</i>	187
Оставьте нас в покое	63	Н.И. Пирогов	187
Памяти Плеханова	66	Герцен и Запад (<i>К столетию со дня рождения</i>)	200
Мартов	67	Господин Петр Струве (Попытка объяснения)	206
Негодяй	68	6. <i>Борцы за пролетарскую революцию</i>	213
4. <i>На путях к Третьему Интернационалу</i>	70	Г.И. Чудновский	213
Привет Ф. Мерингу и Р. Люксембург	70	Памяти Свердлова	213
Карл Либкнехт—Гуго Гаазе	71	Памяти Н.Г. Маркина	219
Ледебур—Гоффман	73	Памяти ген. А.П. Николаева, повешенного белогвардейцами в	
Х. Раковский и В. Коларов	75	Ямбурге в сентябре прошлого года	221
Доброджану—Герца	78	Памяти Е.А. Литкенса	221
5. <i>Мученики Третьего Интернационала</i>	80	В.П. Ногин (Речь на похоронах)	224
К. Либкнехт и Роза Люксембург	80	Памяти М.С. Глазмана	225
II. Революция и контрреволюция в России	91	Памяти Мясникова, Могилевского и Атарбекова (Речь на траурном	
1. <i>Лицо царской России</i>	93	заседании в Сухуме 23 марта 1925 г.)	228
Граф Витте (Страничка из истории бюрократической культуры)	93	Склянский погиб	234
Евно Азеф	99	Памяти Э.М. Склянского (Речь в клубе Красных Директоров 11	
Литература разочарованных стипендиатов (Меньщиков и Бакай о		сентября 1925 г.)	235
себе)	106	Памяти М.В. Фрунзе (Речь на траурном заседании, посвященном	
Гартинг и Меньщиков	113	памяти М.В. Фрунзе в г. Кисловодске 2 ноября 1925 г.)	241
		<i>Приложения</i>	245
		<i>Примечания</i>	265
		<i>Указатель имен</i>	305

ПРИМЕЧАНИЯ

Циммервальдской и Кинтальской конференциях. После Февральской революции приехал в Россию с целью содействия заключению мира между Россией и Германией. По этому поводу буржуазная печать потребовала немедленной высылки Гримма за границу и подняла бешеную травлю против всех интернационалистов, обвиняя их в немецком шпионаже. В настоящее время Роберт Гримм является одним из руководителей II Интернационала.

⁵⁰*Моргари* — итальянский социалист. Один из инициаторов созыва Циммервальдской конференции.

⁵¹*Коларов Василь* (1877 — 1950). В 1897 г. вступил в болгарскую социал-демократическую партию. При расколе с.-д. партии в 1903 г. примкнул к ее революционному крылу, "теснякам" (см. прим. 54). С 1905 г. Коларов член ЦК партии. Избирался делегатом от своей партии на международные социалистические конгрессы в Штутгарте и Копенгагене. С первого же дня мировой войны Коларов занял непримиримую интернационалистскую позицию. Он участвовал в Циммервальдской конференции и вел непрерывную антивоенную агитацию, за что был обвинен в государственной измене, но по окончании войны амнистирован. Коларов был одним из основателей Коммунистического Интернационала. С 1922 г. он член Президиума Исполкома Коминтерна, а с 1923 г. — генеральный секретарь Исполкома. В сентябре 1923 г. Коларов принимал участие в руководстве вооруженным восстанием в Болгарии, за что был заочно приговорен к пятнадцати годам каторги.

⁵²*Радославов Василь* (1858 — 1923) — основатель болгарской либеральной партии. По профессии адвокат. С 1884 г. несколько раз был министром, в 1913 г. — премьер-министр. Будучи крайним германофилом, Радославов содействовал вступлению Болгарии в войну на стороне Германии и Австрии. В 1918 г. после поражения Германии бежал из Болгарии.

⁵³*"Тесняки" и "широкие"*. — Организованная еще в 90-х годах прошлого столетия социал-демократическая партия Болгарии включала в себя, главным образом, мелкобуржуазные элементы страны, что и наложило на нее характерную оппортунистическую печать. В 1903 г., в связи с ростом и укреплением влияния рабочего класса, в с.-д. партии Болгарии произошел раскол. Партия разделилась на две новые самостоятельные партии "Тесную" и "Широкую".

"Тесняки" — состояли преимущественно из представителей промышленного пролетариата. В своей политической деятельности партия "тесняков" неуклонно проводила строго выдержанную марксистскую линию. В 1910 г. на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене "тесняки" потребовали исключения "широких" из Интернационала за их оппортунистическую политику. В 1912 г. "тесняки" выступили решительными противниками балканской войны. Во время мировой войны "тесняки" остаются верны принципам интернационализма; они голосуют против военных кредитов, ведут антимилитаристскую агитацию, участвуют в Циммервальдской и Кинтальской конференциях интернационалистов и, наконец, принимают активное участие в создании III Интернационала. В мае 1919 г. на своем съезде "тесняки" принимают постановление о переименовании партии в "Болгарскую коммунистическую партию (тесные социалисты)". Популярность партии в рабочих массах чрезвычайно велика. К середине 1923 г. она насчитывала в своих рядах около 40 тысяч человек и являлась второй по величине партией в стране. После неудачного восстания в сентябре 1923 г. партия подверглась неслыханному террору, была загнана в подполье и в настоящее время собирается с силами после жестокого удара.

"Широкая" социалистическая партия в отличие от "тесняков" насчитывает в своих рядах много мелкобуржуазных оппортунистических элементов. В рабочих массах "широкие социалисты" никогда не имели большого влияния. В 1912 г. "широкие" поддерживали болгарскую буржуазию, ведшую завоевательную балканскую войну. Во время мировой войны "широкие" занимают социал-патриотическую позицию. После окончания мировой войны они входят в состав правительства в лице трех министров — Пастухова, Закаева и Джидрова. В сентябре 1920 г. от "широкой" партии откололись ее левые, революционные элементы, перешедшие в ряды "тесняков". Под давлением масс "широкие" вышли после войны из II Интернационала и пытались было вступить в 2 1/2 Интернационал, но не были приняты. В настоящее время ни в какой Интернационал не входят.

⁵⁴*Общественная конференция 1915 года*. С наступлением мировой войны левые

социал-демократические группы румынской, болгарской и др. партий на Балканах решительно выступили против империалистической войны и военной политики II Интернационала. В июне 1915 г. в Бухаресте представители румынской с.-д. партии совместно с представителями болгарской с.-д. партии "тесняков" (см. прим. 54) создали совещание, на котором был поставлен вопрос о необходимости скорейшего созыва общевосточной социал-демократической антимилитаристской конференции. Такая конференция и была открыта в Бухаресте летом 1915 г. На конференцию явились представители румынской социалистической партии, болгарской социалистической партии "тесняков" и греческой с.-д. партии. Представители левого крыла сербской с.-д. партии, не имея возможности лично участвовать в работах конференции, послали последней телеграмму, в которой заявляли о своей полной солидарности со всеми решениями и резолюциями конференции. На конференции была основана "Балканская революционная рабочая социал-демократическая федерация", основной целью которой являлась борьба против империалистической войны, за интернационализм, за революционную классовую войну. Решение об основании этой федерации и явилось одним из главных итогов конференции.

⁵⁵*Тучкович Дмитрий* (1881 — 1914) — сербский социал-демократ, талантливый публицист, редактор центрального органа сербской социал-демократии "Раднице Новине". Погиб в империалистической войне.

⁵⁶*Бурное восстание румынских крестьян*. Угнетенные боярами и помещиками румынское крестьянство не раз восставало против своих классовых врагов. Одним из наиболее крупных в истории Румынии крестьянских восстаний нужно считать восстание 1907 г. Первым толчком к нему послужило выставленное крестьянами поместья Ферманзи требование о более справедливых формах аренды, о прекращении злоупотреблений и пр. Начавшиеся здесь волнения перекинулись в другие местности и быстро охватили всю страну. Движение, все больше разрастаясь и углубляясь, вскоре приняло характер чисто классовой революционной борьбы. Крестьяне, вооруженные чем попало, нападали на помещичьи усадьбы, жгли, грабили помещичье имущество и т.д. Находившееся в то время у власти консервативное правительство Румынии перед лицом надвигающейся опасности поспешило уйти в отставку и передать власть либеральному министерству. Новое правительство в лице своего военного министра, либерала Арабеску, тотчас же принялось за вооруженное подавление разраставшегося аграрного восстания. Были мобилизованы все военные силы страны; против крестьян были двинуты войска в полном боевом снаряжении, вскоре и подавившие восстание с необычайной свирепостью и жестокостью. По официальным сведениям, число убитых и расстрелянных крестьян достигло 15 тысяч человек.

⁵⁷*Эберт Фридрих* (1871 — 1925) — бывший шорник, впоследствии президент германской буржуазной республики. Во время войны был вместе с Шейдеманом главным вдохновителем социал-патриотизма. В 1923 г. берлинские рабочие потребовали его исключения из партии и профсоюза как врага рабочего класса. (См. подробн. т. XIII, прим. 10.)

⁵⁸*Революция 9 ноября 1918 г. в Германии*. Поражение германской армии и тяжелое экономическое положение страны вызвали мощное революционное движение среди рабочих и солдат. Непосредственным толчком к событиям 9 ноября 1918 г. послужило восстание матросов в Киле, начавшееся 2 ноября. Восставшие матросы отказались принимать участие в атаке на британский флот и организовали свой совет. Восстание быстро распространилось по всей стране. Во всех городах стали стихийно возникать Советы рабочих и солдатских депутатов. Особенно крупного размаха движение достигло в Берлине, где с 5 ноября начинается и быстро разрастается забастовка рабочих. 9 ноября бастовал уже весь берлинский пролетариат. В этот день рабочими была послана делегация во главе с Эбертом к Вильгельму II, который, видя, что армия присоединилась к рабочим, отрекся от престола. На место низложенного гогенцоллернского правительства был образован Совет Народных Уполномоченных, в состав которого вошло 6 человек: 3 социал-демократа — Эберт, Шейдеман и Ландсберг и 3 независимых — Гаазе, Дитман и Барт. Карл Либкнехт отказался войти в состав Совета Народных Уполномоченных, мотивируя свой отказ нежеланием сотрудничать с реформистами. Совет Народных Уполномоченных был обличен всей полнотой государственной власти впредь до созыва I Всегерманского съезда Советов, который был признан высшим законодательным органом Германии.

Гогенцоллернская монархия была свергнута восставшими рабочими, но предательская политика германской социал-демократии помешала пролетариату Германии использовать

ноябрьскую революцию для овладения государственной властью.

⁶⁹Постыдное банкротство II Интернационала в августе 1914 года.

II Интернационал за 25 лет своего существования (1889 — 1914) неоднократно обсуждал на своих конгрессах вопрос о войне и об отношении к ней пролетариата. Рост сухопутных и морских вооружений делал очевидной для каждого неизбежность грядущей войны между великими державами Европы. Резолюции международных конгрессов говорят, что в случае, если буржуазные правительства обрушат на головы народов бедствия войны, Интернационал и его секции призвуют рабочих всего мира бороться всеми находящимися в их распоряжении средствами против войны.

Вопрос о войне разбирался на Цюрихском и Штуттартском конгрессах (см. прим. 40 и 6). Незадолго до начала мировой войны Базельский конгресс (24 — 25 ноября 1912 г.) в принятом им манифесте говорит:

"Конгресс поручает Международному Социалистическому Бюро с тщательным вниманием следить за событиями и при всяких условиях поддерживать сообщения и связь между пролетарскими партиями всех стран. Пролетариат сознает, что от него именно зависит в данный момент все будущее человечества, и он употребит всю свою энергию для того, чтобы помешать истреблению лучшего цвета всех народов, которым угрожают все ужасы бесчисленных кровопролитий, голода и болезней. Конгресс обращается к вам, пролетарии и социалисты всех стран, чтобы в этот решительный час вы не оставались безгласны. Высказывайте вашу волю повсюду и всеми способами. Выражайте всеми силами ваш протест в парламентах, объединяйтесь в манифестациях и массовых выступлениях, *используйте все средства*, которые предоставляет вам организация и мощь пролетариата, так, чтобы правительства постоянно видели перед собой волю внимательно и деятельного рабочего класса, решительно настаивающего на сохранении мира".

Жорес в своей речи на конгрессе сказал, "что если наш манифест не предусматривает специального образа действий для всех возможных в будущем обстоятельств, то он вместе с тем ни одного из них и не исключает". Вальян добавил, что "в манифесте сохранены мысль и решимость прибегнуть к всеобщей забастовке и восстанию как крайним мерам борьбы против войны". В том же духе говорили на конгрессе Гаазе, Кейр Гард, Адлер и другие.

Еще 30 июля 1914 года, за несколько дней до начала войны, интернациональное социалистическое бюро постановило обязать пролетариат всех заинтересованных народов усилить их демонстрации против войны. "Немецкие и французские пролетарии, — читаем мы в этом постановлении, — окажут на их правительства более энергичное давление, чем когда-либо... Пролетарии Великобритании и Италии, со своей стороны, окажут поддержку этим усилиям, поскольку они могут. Конгресс, экстренно созываемый в Париже (конгресс предполагалось созвать в Париже 9 августа для обсуждения вопроса "война и пролетариат"), явится мощным выражением этой воли мирового пролетариата, направленной на сохранение мира".

Германская социал-демократия, одна из основных партий II Интернационала, в воззвании, опубликованном 25 июля 1914 г., призвала рабочих к протесту против войны. Воззвание начиналось следующими словами: "отовсюду должен доноситься до ушей властителей крик: мы не хотим войны, долгой войны. Да здравствует международное братство народов! *"Vorwärts"* — центральный орган германской социал-демократии — в номере от 25/VII провозгласил, что "если дело дойдет до великого европейского сражения, то могут произойти весьма неожиданные вещи, которые могут затронуть то, что также в Германии приписывается "к священнейшим благам".

31 июля, в день объявления военного положения и, стало быть, фактического начала военных действий, комитет партии призывает рабочих "терпеливо ждать до конца", а 3/VIII, накануне созыва рейхстага, социал-демократическая фракция собралась на совещание и вынесла постановление:

"Голосовать за требуемые правительством кредиты и мотивировать свое постановление прочтением декларации".

4 августа эту декларацию прочитал в рейхстаге Гаазе (см. прим. 46).

9 августа *"Arbeiter-Zeitung"* (Рабочая газета) — центральный орган австрийской социал-демократии — напечатала декларацию Гаазе под заголовком "За самостоятельность своей страны и мир народов" и добавила, что "декларация вполне соответствует духу

и настроению немецкой социал-демократии в Австрии".

Французская социалистическая партия в передовой статье, помещенной в *"l'Humanité"* от 4/VIII, заявила:

"Палаты завтра или послезавтра должны будут произнести свои решения, вотируя те кредиты, которых от них потребует правительство. *Эти кредиты будут восторгованы единогласно*".

В заседании бельгийской палаты депутатов, происходившем 4 августа, после тронной речи короля Альберта, Вандервельде сделал от имени социалистической фракции палаты следующее заявление:

"Наступил момент, когда социалисты выполняют свой долг без всяких колебаний. Мы будем голосовать за все кредиты, которых потребует правительство для защиты нации".

Несколько позже отозвалась британская социалистическая партия. В статье "Война, тайная дипломатия и социал-демократия", напечатанной в *"Justice"* 13 августа 1914 г., говорилось:

"Самое большее, что можем сделать мы, как социал-демократы и как англичане, это употребить все наше влияние к установлению, возможно, скорее разумного мира, не стесняя при этом усилий правительства, направленных к одержанию быстрой победы энергичными действиями на суше и на море".

Единственной партией, оставшейся верной заветам Интернационала, была РСДРП(б). В заседании Думы, в котором обсуждался вопрос о доверии правительству и кредитах на войну, член Думы Хаустов от имени партии и думской фракции прочел декларацию, в которой говорилось, что настоящая война порождена политикой захватов, является войной, ответственность за которую несут правящие всех воюющих теперь стран. После прочтения декларации фракция покинула зал заседания и участия в голосовании кредитов не принимала. Вместе с фракцией покинули заседание и депутаты-трудовики.

Меньшевики и эсеры стали на позицию большинства социал-демократии Западной Европы. Наиболее ярким документом, рисующим позицию наших социал-демократов, должен считаться "манифест" Плеханова (см. приложение № 2).

Все секции II Интернационала по вопросу о войне отказались от точки зрения классовой борьбы и стали на позицию единства интересов наций и обороны государства. Это означало банкротство II Интернационала как международной организации рабочих.

⁶⁰*Суворин А. С.* (1834 — 1912) — реакционный журналист, редактор "Нового времени", влиятельного в свое время органа консервативных дворянско-бюрократических кругов. (См. подробн. т. II, ч. I, прим. 76.)

⁶¹*Александр III* (1845 — 1894) — вступил на престол после убийства Александра II в 1881 г. Царствование Александра III ознаменовалось решительным переходом на путь самой беспросветной реакции. Тупой, ограниченный, малообразованный, Александр III окружил себя отъявленными реакционерами. Совершенно не разбираясь в вопросах политики, Александр III был прекрасным знатоком и специалистом по сыску и жандармским делам. Он сам лично принимал деятельное участие в работе III (Охранного) Отделения. За годы царствования Александра III в России развивается революционное движение пролетариата.

Александр III умер от запоя в 1894 г.

⁶²*Горемыкин И. Л.* (1839 — 1917) — видный деятель царского режима. Занимал разные должности в министерстве иностранных дел еще в 80 — 90-х гг. В 1891 г. Горемыкин — товарищ министра юстиции, а в 1895 г. — министр внутренних дел. На посту министра Горемыкин во всем продолжал политику прежних министров периода реакции Александра III. В конце 1899 г. он уходит в отставку и назначается членом Государственного совета. Снова возвращается к власти в апреле 1906 г., заменив Витте на посту председателя совета министров. Новое министерство Горемыкина немедленно вступило на путь реакции. Одновременно с роспуском I Думы получил отставку и Горемыкин, уступив свое место Столыпину. В третий раз пришел к власти, правда, ненадолго, в 1915 г., как председатель совета министров.

⁶³*Гурьев Н. А.* — литературный секретарь Витте. В 1905 г. был назначен редактором правительственной газеты "Русское государство". Позже Гурьев был одним из соредкторов столыпинской "России". Гурьев помогал Витте в составлении нескольких литературных работ.